

ВЕТЕР ДУЕТ НЕ ПОТОМУ, ЧТО ДЕРЕВЬЯ КАЧАЮТСЯ

ИНТЕРВЬЮ
ЛЕОНИД ГРИГОРЬЕВ
Главный советник
руководителя АЦ
при Правительстве РФ,
профессор

Рынок нефти обуян всевозможными конспирологическими теориями. Наш собеседник — главный советник руководителя АЦ при Правительстве РФ, профессор Леонид ГРИГОРЬЕВ — относится к ним с иронией и советует не путать причины и следствия: ветер дует не потому, что деревья качаются. Разумеется, о ближайших и среднесрочных энергетических перспективах мы говорили исключительно с позиций рационального рыночного поведения.

Как отмечает наш собеседник, есть основания верить в жизнеспособность соглашения о снижении добычи нефти, достигнутого странами ОПЕК и поддержанного рядом стран, не входящих в картель. В соблюдении договоренностей заинтересованы все стороны. В то же время дальнейшее наращивание сланцевой добычи в США, скорее всего, будет идти ограниченными темпами и не окажет серьезного влияния на рынок. Другой важнейший фактор — внедрение энергосберегающих технологий и ВИЭ — также скажется в полной мере еще не скоро.

В итоге стабильно увеличивающийся спрос на нефть приведет в долгосрочном плане к повышению котировок до \$100/барр. Однако России рано расслабляться. Надо учиться жить при относительно невысоких ценах на нефть и постепенно слезать с «углеводородной иглы».

Ред.: Леонид Маркович, подготовленный с вашим участием «Прогноз развития энергетики мира и России» не обещает революционных перемен в структуре энергопотребления. Почему вы убеждены, что возобновляемые источники энергии еще далеко не скоро составят достойную конкуренцию ископаемым топливам?

Л.Г.: Напомню, что в мире регулярно проводятся три таких полнокровных исследования — это прогнозы американского Агентства энергетической информации (EIA), Международного энергетического агентства и наш: ИНЭИ РАН и Аналитического центра при Правительстве РФ. Каждый из этих коллективов опирается на свои научные методики, исходит из собственных предпосылок о рисках. Но, что интересно, выводы относительно энергетических перспектив до 2040 года в целом одинаковы — разница в деталях.

Все три центра сходятся в том, что к 2040 году примерно три четверти мирового энергетического баланса будет приходиться на ископаемые виды сырья. Примерно по одной четверти баланса (по 23–27%) будут обеспечивать нефть, уголь и газ. А еще одну четверть — возобновляемые источники, атомная энергия и крупные гидроэлектростанции.

То есть, при всей симпатии к ВИЭ и при всем понимании важности борьбы за сохранение климата, нельзя недооценивать инерцию существующих технологий. Да, в Европе и ряде других развитых стран активно развиваются новые технологии, внедряются альтернативные источники энергии и методы энергосбережения. Но это пока не меняет характер основных фондов в энергетике. С точки зрения структуры баланса, глобальный ТЭК в ближайшие четверть века будет испытывать технологические сдвиги, но революционные изменения потребуют времени.

Серьезные подвижки ожидаются по динамике первичного энергопотребления. Сегодня развитые страны переходят к экономическому росту без его увеличения (правда, и рост ВВП небольшой — 1,5–2% в год).

А вот развивающиеся государства продолжают активно его наращивать. И поскольку они находятся на разных стадиях индустриализации, у них увеличивается расход энергии на транспорт, коммунально-бытовое хозяйство, что ведет к расширению

потребления первичных энергоресурсов. С учетом Парижских соглашений по климату перед ними стоит тяжелая дилемма: относительно дешевый уголь для развития электроэнергетики или сдерживание выбросов парниковых газов. При учете климатических проблем быстро на ВИЭ не перейдешь — придется опираться на комбинацию топлив. В первую очередь, мог бы помочь газ.

Ред.: Но ведь и потребление нефти будет расти?

Л.Г.: В нашем прогнозе мы анализировали в целом мировой спрос на жидкие топлива: нефтепродукты, биотоплива, а также произведенные из угля и газа. Но понятно, что в обозримой перспективе основу этой категории составят именно нефтепродукты. Предложение альтернативных топлив хотя и возрастет, однако будет незначительным — порядка 4% в общем объеме.

Так вот, среднегодовые темпы роста спроса на жидкие топлива составят в период до 2040 года только 0,7% против 1,1% за период 1990–2015 годов. В абсолютном выражении спрос (в вероятном сценарии) вырастет на 12% по сравнению с 2013 годом (на 0,6 млрд тонн н.э.) и к 2040 году достигнет чуть менее 4,9 млрд тонн н.э.

Пик потребления нефти прогнозируется в районе 100–105 млн барр/сут. Примечательно, что ежегодный прирост этого показателя в последнее время остается весьма стабильным — примерно на 1 млн барр/сут. Да, наблюдается масса различных колебаний, сезонных циклов, воздействие делового цикла и т.д., что создает удивительную картину волатильности цен. Но экономическая логика в динамике цен все равно сохраняется: издержки, цикл жизни месторождений, инвестиции и прочее...

Конечно, будет меняться структура нефтедобычи. Значительная часть старых месторождений (в первую очередь в Европе) будет выведена из эксплуатации, зато вновь будет наблюдаться увеличение доли ОПЕК (здесь прогнозы всех ведущих исследовательских центров совпадают).

Кстати говоря, примерно пять лет назад шли активные разговоры о том, что у Саудовской Аравии якобы нет больших нефтяных резервов и поэтому она не сможет увеличить свою добычу. Но это Королевство на-

растило свое производство с 10 до 12 млн барр/сут.

Ред.: Сейчас рынок нефти находится под давлением избыточного предложения сырья. Это надолго?

Л.Г.: Нет сейчас никакого избытка, есть лишь серьезные проблемы в сфере учета добычи. В мире действует гигантское количество скважин, и поэтому невозможно точно подсчитать масштабы производства. Бесспорно, в 2014 году, накануне обвала нефтяных цен, на рынке присутствовал избыток нефти — примерно 1,5 млн барр/сут. при потреблении чуть более 90 млн барр/сут. И хотя этот избыток составлял менее 2% добычи, цены все равно рухнули.

К 2040 ГОДУ ПРИМЕРНО ТРИ ЧЕТВЕРТИ МИРОВОГО ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО БАЛАНСА БУДЕТ ПРИХОДИТЬСЯ НА ИСКОПАЕМЫЕ ВИДЫ СЫРЬЯ. ПРИМЕРНО ПО ОДНОЙ ЧЕТВЕРТИ БАЛАНСА БУДУТ ОБЕСПЕЧИВАТЬ НЕФТЬ, УГОЛЬ И ГАЗ

А вот профицит на уровне 800 тыс. барр/сут. в 2015–2016 годах, о котором писали многие СМИ, лично я думаю, — это статистическая иллюзия. Если бы такой «навес» действительно имелся, то никакого ценового отскока в 2016 году не произошло бы.

ПИК ПОТРЕБЛЕНИЯ НЕФТИ ПРОГНОЗИРУЕТСЯ В РАЙОНЕ 100–105 МЛН БАРР/СУТ. ПРИМЕЧАТЕЛЬНО, ЧТО ЕЖЕГОДНЫЙ ПРИРОСТ ЭТОГО ПОКАЗАТЕЛЯ В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ ОСТАЕТСЯ ВЕСЬМА СТАБИЛЬНЫМ — ПРИМЕРНО НА 1 МЛН БАРР/СУТ.

Напомню, после «словесной интервенции» министра энергетики РФ Александра Новака в январе 2016 года котировки вдруг стабилизировались. Хотя в сущности ничего нового не произошло — министр лишь заявил о возможности заморозки добычи. Эта ситуация повторилась летом прошлого года, после аналогичного заявления президента Владимира Путина. Еще не было никакого воздействия на рынок, а цены ползли вверх. Это означает, что рынок на самом деле сбалансирован и поэтому так чутко реагирует на различные политические сигналы.

К тому же непонятно, куда можно было бы ежедневно «незаметно» заливать примерно по 1 млн «лишних» баррелей в течение нескольких лет...

Ред.: Важным фактором развития нефтегазового комплекса становится политика по сокращению выбросов парниковых газов. Как она может повлиять на объемы потребления нефти и газа и, соответственно, на масштабы добычи?

ПРИ ВСЕЙ СИМПАТИИ К ВИЭ И ПРИ ВСЕМ ПОНИМАНИИ ВАЖНОСТИ БОРЬБЫ ЗА СОХРАНЕНИЕ КЛИМАТА, НЕЛЬЗЯ НЕДООЦЕНИВАТЬ ИНЕРЦИЮ СУЩЕСТВУЮЩИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Л.Г.: Политика политикой, но упомянутый рост потребления энергоресурсов в развивающихся странах вряд ли будет «экологически чистым». Сегодня из 35 млрд тонн выбросов парниковых газов (по данным на 2015 год) примерно 20 млрд тонн приходится именно на развивающиеся государства.

Причем Китай уже не является драйвером этого процесса. Он сделал огромный шаг вперед в использовании ВИЭ, и в последние три года ему удалось достичь «плоской» динамики вредных выбросов (хотя смога в крупнейших городах КНР по-прежнему хватает). А вот прочие развивающиеся страны продолжают интенсивно увеличивать выбросы. И в недалеком будущем ситуация может усугубиться.

ПОСЛЕ «СЛОВЕСНОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ» МИНИСТРА ЭНЕРГЕТИКИ РФ АЛЕКСАНДРА НОВАКА КОТИРОВКИ ВДРУГ СТАБИЛИЗИРОВАЛИСЬ. ЭТО ОЗНАЧАЕТ, ЧТО РЫНОК СБАЛАНСИРОВАН И ЧУТКО РЕАГИРУЕТ НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИГНАЛЫ

К примеру, абсолютно не понятно, каким образом будет наращивать электрогенерацию та же Индия. Ведь ныне в этой стране у сотен миллионов людей нет доступа к электричеству. Если будет решено производить электроэнергию на угольных электростанциях, это будет весьма печально, но простых альтернатив нет. В Дели уже появился тяжелый смог...

Наконец, внезапно появился новый фактор — изменение климатической политики США при новом президенте Д.Трампе. На самом деле США не проводили серьезного воздействия на энергетику для понижения выбросов — все удачно пошло само собой, за счет вытеснения угля сланцевым газом. Кстати, избыточный уголь отправился в Европу. Но теперь будут реализовываться некоторые нефтегазовые проекты, которые тормозились администрацией Б.Обамы.

Лично я, разумеется, за «чистую энергетику» и «экологическую ответственность», я в течение восьми лет был председателем правления Фонда защиты дикой природы России. Но как экономисту мне приходится быть реалистом и признавать, что мы, к сожалению, еще долго не выскочим из «углеводородного круга». Внедрение новых технологий не сможет быстро вытащить нас из сложившейся ситуации — потребуется время для обновления мирового парка авто и т.д. Технологический прогресс идет быстрыми темпами — мы ждем «умных сетей», более емких аккумуляторов. Но потребуются огромные средства и время на реальную смену технологий по всему миру.

О рациональной экологии

«Естественно, важным элементом борьбы с выбросами парниковых газов является сохранение цен на углеводороды на относительно высоком уровне. Люди ведут себя рационально и при дешевой нефти вряд ли будут внедрять дорогостоящие методы энергосбережения.

Да, некоторые наиболее развитые страны могут «в приказном порядке» перейти на низкоуглеводородные технологии. Но это самые «богатые и сознательные» — Швеция, Германия. А для большинства государств это просто дорого, ряд стран уже сократил субсидии на «зеленую энергию» из-за финансовых проблем. С точки зрения снижения выбросов было бы эффективнее направить огромные средства, затрачиваемые в ЕС, в Индию и ЮВА. Но «мирового правительства» у нас пока нет».

Ред.: Много также говорят о «факторе электромобилей». Они смогут как-то повлиять на объемы потребления нефтяного сырья?

Л.Г.: Действительно, прогресс в сфере электромоторного транспорта, в первую очередь, в технологиях производства аккумуляторов, в последние годы шагнул очень далеко. Это позволило создать массовые серийные образцы электромобилей, полностью конкурентоспособные по цене в премиальном сегменте. А в эконом- и бизнес-сегментах — суще-

ственно сократить разрыв в стоимости с традиционным автомобилем. В итоге уже в 2015 году количество электромобилей в мире перешагнуло рубеж в 1 млн единиц.

Да, интерес к электромобилем растет не только в Европе, но и в Китае. Однако адепты «чистого» автотранспорта забывают, что для него надо каким-то образом вырабатывать электроэнергию. И если китайцы с бензинового мотора перейдут на «угольное электричество», то ситуация с вредными выбросами и изменением климата вряд ли улучшится. Но они уже сделали значительный шаг вперед — в стране имеются миллионы электромотороллеров.

Часто звучит тезис не только о высокой экологичности электромобилей, но и об их экономичности. На практике топливная экономия, безусловно, присутствует (так, затраты топлива на 1 км у электромобилей ниже в 1,5–2 раза). Но она далеко не всегда способна обеспечить коммерческую привлекательность электромобилей для рядового потребителя. Она не может покрыть разницу в базовой стоимости авто за общий срок его эксплуатации.

Ред.: Цены на нефть после решения стран ОПЕК и независимых экспортеров о сокращении добычи остаются на относительно высоком и стабильном уровне, в районе \$55. Как долго может сохраняться такая стабильность?

Л.Г.: С января 2016 года цены прилично выросли. А сейчас, на мой взгляд, залогом этой стабильности является то, что наконец-то удалось решить проблему по линии Иран — Саудовская Аравия. В 2015–2016 годах после падения цен на нефть до-

Об электромобилях в России

«Думаю, что развивать это направление необходимо. Мой личный прогноз основан на реализме: кто и куда может в массовом порядке ездить на электромобилях. Скорее всего, сначала электромобили станут у нас приметой туристов с Запада. Насколько я знаю, уже начали строить зарядные станции на трассе Хельсинки–Санкт-Петербург. Впоследствии они появятся и на трассе Питер–Москва.

Следующий этап — оборудование зарядными станциями магистралей, идущих на Запад, чтобы туристы могли приезжать на своих электромобилях не только из Финляндии, но и из других европейских стран. Потом станции должны появиться на МКАД и на дорогах, ведущих от Москвы к городам Золотого кольца, — именно как часть туристической инфраструктуры. Ну а затем должен произойти эффект масляного пятна — электрозаправки будут распространяться от крупных магистралей вглубь страны.

Но массовое внедрение электромобилей в России неизбежно упрется в проблемы качества дорог, зимние заносы и наличие пробок. Ведь с электродвигателем в пробке шесть часов не постоишь... А если зимой (или летом в грязи) застрять на проселке? Недавние морозы остановили много машин (и у меня дизель замерз в минус 30). А более совершенные аккумуляторы, согласно прогнозам, появятся не ранее 2022 года. Поэтому, прежде чем думать о массовых электромобилях, надо бы дороги починить...»

бычи» в США. Но к этому, на мой взгляд, есть ряд препятствий.

Во-первых, ситуация с ресурсной базой сланцевой нефти не проста: ее много, но добыча относительно дешева в основном на уже освоенных месторождениях с готовой инфраструктурой.

Во-вторых, резко сократилось число действующих буровых установок. Если на пике сланцевой революции их количество достигало 2 тыс., то сейчас действует около 600 (а минимальный показатель, зафиксированный весной 2016 года, — примерно 400). Правда, увеличилась проходка в расчете на од-

**РОСТ ПОТРЕБЛЕНИЯ ЭНЕРГОРЕСУРСОВ
В РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ ВРЯД ЛИ
БУДЕТ «ЭКОЛОГИЧЕСКИ ЧИСТЫМ».
ОНИ ПРОДОЛЖАЮТ ИНТЕНСИВНО
УВЕЛИЧИВАТЬ ВЫБРОСЫ**

быча в США сократилась примерно на 1 млн барр/сут. А мировой спрос за это время вырос на 2,5 млн барр/сут. И баланс на рынке достигался в основном за счет увеличения производства в Иране и отчасти в Ираке. Да, Россия и Саудовская Аравия тоже наращивали добычу, но заметный вклад, как все и полагали, внес все же Тегеран.

И поэтому в ходе переговоров о сокращении добычи именно иран-

ская нефть являлась камнем преткновения. Власти Исламской Республики настаивали на восстановлении своих квот до «досанкционного уровня». И, согласно достигнутому соглашению в рамках ОПЕК, Иран так и остается с увеличенной добычей.

Я думаю, что в краткосрочном периоде цены останутся стабильными. Конечно, дамокловым мечом над отраслью будет висеть угроза возобновления «большой сланцевой до-

ну БУ, а средние сроки бурения существенно сократились — с пары месяцев 10–15 лет назад до 10 дней ныне. Повышается также мобильность буровых бригад — они сейчас работают, как такси Uber, по вызову. Но все равно эти процессы не могут полностью компенсировать снижение числа действующих установок.

Так что я полагаю возможным верить в стабильность нефтяных цен и

эффект соглашения, достигнутого между ОПЕК и рядом других экспортеров, заинтересованных в стабилизации цен.

Ред.: Но будут ли участники соглашения неукоснительно соблюдать его?

Л.Г.: Конечно, кто-то будет неукоснительно придерживаться взятых на себя ограничений, кто-то может превысить лимит. Но опыт замораживания добычи в 2008 году и в другие времена показывает, что такие меры дают реальный эффект.

ВНЕЗАПНО ПОЯВИЛСЯ НОВЫЙ ФАКТОР — ИЗМЕНЕНИЕ КЛИМАТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ США ПРИ НОВОМ ПРЕЗИДЕНТЕ Д.ТРАМПЕ

И здесь важна не столько железная дисциплина, сколько взаимное доверие. Если все участники соглашения чуть-чуть его нарушат, то ничего страшного, я думаю, не произойдет. А вот если они начнут подзревать друг друга в «серой добыче» и «в отместку» наращивать свое собственное производство, то вся система рухнет. Вот тогда все останутся в проигрыше.

Будем надеяться, что на фоне общей нехватки доходов соглашение все же сыграет отведенную ему роль. Заметим также важную роль России в переговорах и достижении соглашения в трудном районе Ближнего и Среднего Востока.

Но все равно неустойчивость рынка сохранится — мы все время будем бояться нарушения квот и падения нефтяных котировок. Думаю, мы уже никогда не увидим ситуацию, при которой цена окончательно стабилизировалась и можно почивать на лаврах. Нервничать теперь придется до тех пор, пока мы не модернизируем свою экономику и не слезем с нефтяной иглы.

Ред.: Но, может быть, участники соглашения на этом не остановятся? Возможно, появится некая новая мэга-ОПЕК, в которую войдут и другие страны-производители? И тогда она сможет контролировать цены на постоянной основе...

Л.Г.: Вряд ли можно провести разовое восстановление цен и долго

удерживать их на высоком уровне. Такую задачу на рынках сырьевых товаров еще никто никогда не решал. Не думаю, что развитые страны и их компании пойдут на такую «всемирную организацию».

Поэтому я бы посоветовал быть очень осторожными при попытках группового снижения добычи. Все-таки надо оставить рынку возможность нормальных колебаний. И не стоит стремиться уйти далеко за \$70. Потому что тогда опять начнется раскрутка добычи во многих странах и цена снова упадет.

Здесь надо помнить, что нефтяные цены поднялись с \$70–80 до \$110 только после аварии на Фукусиме и катастрофы в Ливии, которая срезала добычу в три-пять раз. При нормальном развитии событий таких высоких котировок не должно было быть. И экспортеры слишком долго наслаждались такой удачей.

Идеальный вариант — и для нас, и для ОПЕК — не стремиться к возврату высокого уровня цен, а спокойно жить при нынешнем. Можно попытаться «подогнать» к нему национальные бюджеты и научиться поддерживать экономический рост при таких ценах.

Впрочем, нельзя забывать, что помимо соглашения экспортеров действуют и другие факторы влияния на цены. Так, добыча в странах, не присоединившихся к соглашению (у нетто-импортеров), падает. А мировой спрос на энергоресурсы растет. И все это будет способствовать повышению нефтяных цен в среднесрочной перспективе. А против будет действовать НТП, так что будет динамическая ситуация.

О долгосрочных ценах

«Большинство исследовательских центров полагает, что в долгосрочном плане котировки превысят \$100/барр. Но это будет не одномоментный ценовой взрыв, а медленный рост, по мере исчерпания ресурсов дешевого сырья. Да, относительно недорогая нефть из арабского мира останется, но в эксплуатации будут вовлекаться месторождения, которые имеют более высокие издержки.

В этом смысле наш прогноз совпадает с мнением зарубежных коллег — к 2040 году котировки достигнут \$90/барр в ценах 2010 года. Кстати говоря, наши оценки оптимистичнее, чем расчеты Минэкономики, которыми оно оперирует при составлении долгосрочных прогнозов развития экономики РФ. Но у нас ниже ожидаемые цены, чем у большинства солидных прогнозов. И не надо путать «прогнозы» со «сценариями» — среди последних много «красивых миражей». В основе нашего прогноза лежат разумные экономические соображения».

Ред.: Сейчас много говорят о якобы манипуляциях нефтяными ценами со стороны крупнейших биржевых игроков. Верите ли вы в существование такой «невидимой руки»?

Л.Г.: Есть несколько конспиративных теорий по поводу цен на нефть. Но мы, авторы прогноза, считаем, что в конечном итоге рынок балансируется реальным товаром и потреблением.

Бесспорно, биржевые игроки наживаются на колебаниях нефтяных котировок. Им по большому счету все равно, на что играть — на повышение или на понижение. И предположение о том, что именно они формируют базисную цену, — неверно. Ветер дует не потому, что деревья качаются.

Тем не менее конспирологическая тема по нефти — одна из любимых в СМИ, и не только. Так, в 2009 году в резолюции «Большой двадцатки» было отмечено, что сырьевые рынки испытывают «экстраординарные колебания». На самом деле они вполне обычные, мы в свое время показали — сырьевой цикл так выглядит минимум столетие. Тем не менее упомянутое заявление G-20 создало стимул для всей профессуры мира математически выявить тех самых подлых трейдеров, которые манипулируют рынком.

Любые манипуляции можно обнаружить, если они осуществляются длительное время, повторяются — спрятать это невозможно. Но глобальный мозговой штурм ничего не дал. Конкретные виновные не найдены — экономика осталась.

Обычно та или иная конспирологическая теория придумывается для объяснения текущих ценовых колебаний, но она оказывается неприме-

нимой ни к какому предыдущему или последующему моменту. Почему котировки так долго находились на уровне выше \$100/барр? Почему они раньше не обрушились?

Ред.: А как, по вашему мнению, на нефтяные цены может повлиять политика новой американской администрации?

Л.Г.: Действительно, многое будет зависеть от действий Трампа. Он собирается реанимировать ряд трубопроводных проектов, снимает запреты на разработку угольных месторождений. Кроме того, он отходит от программы Обамы по энергосбережению. То есть мы видим знакомую нам американскую энергетическую политику — каковой она была до второго срока Обамы.

В этой обстановке появляется больше неопределенностей. Но не надо переоценивать роль США. Думаю, если страны ОПЕК не устроят безумную внутреннюю конкуренцию, то есть не наступят на грабли, то цены будут расти и в краткосрочном плане стабилизируются на уровне примерно \$60–70/барр. И это дает нашей экономике еще некоторый период относительной экономической стабильности (хотя и не таких больших доходов, как в 2010–2014 годах), который надо использовать для модернизации нашего хозяйства.

Ред.: Одним из первых заявлений Трампа на посту президента был призыв отказаться от импорта нефти из стран ОПЕК. Насколько осуществима эта угроза?

Л.Г.: Речь тут идет не совсем об ОПЕК. Трамп ставит задачу прекратить покупку нефти у стран, которые действуют против интересов США, — будь то члены ОПЕК или нет.

Сейчас Америка покупает у стран ОПЕК не так много — около 3 млн барр/сут. В будущем, наверное, может отказаться от этих объемов. При имеющихся запасах в мире, возможностях расширения своих сланцевых проектов и с учетом поставок из Канады и Мексики сделать это не так трудно, хотя вряд ли это экономично. Не исключаю, что через 10 лет поставки из стран ОПЕК прекратятся естественным путем, а выглядеть это будет как выполнение «директивы Трампа».

Но возможен и прямо противоположный сценарий. Импорт из Саудов-

ской Аравии сохранится по чисто политическим мотивам, как залог хороших взаимоотношений с Эр-Риядом (а они все-таки важны для Вашингтона).

Об отношениях Мексики и США

«В связи с идеей строительства разделительной стены между двумя странами политические отношения резко ухудшились, хотя стену начали строить очень давно. Но из США в Мексику идут колоссальные деньги гастарбайтеров, так что отношения испортить невозможно».

Кроме того, та же Pemex затянула модернизацию своей нефтепереработки и поэтому сегодня вынуждена покупать значительные объемы нефтепродуктов в США. То есть налицо нефтяная взаимозависимость. И поэтому я не вижу, при каких обстоятельствах Мексика могла бы создать проблемы с поставками нефти в Соединенные Штаты».

Ред.: И какие же выводы для России из всего вышеизложенного? Надо ли ей стремиться к наращиванию собственной добычи или пока подождать?

Л.Г.: Сейчас разрабатывается новая редакция Энергетической стратегии, которая и должна дать ответ на этот вопрос. Вполне возможен вариант, при котором мы в долгосрочном плане поддерживаем какой-то определенный уровень добычи, не пытаясь ее увеличить. Это может быть обусловлено как ограниченными ресурсами (разведка отстает), так и взятыми Россией на себя международными обязательствами по сокращению производства (если они приобретут долгосрочный характер).

Исходя из этих ориентиров, надо будет выстраивать адекватную фискальную политику. То есть либо создавать налоговые стимулы для увеличения добычи, либо просто поддерживать ее на стабильном уровне при помощи экономических рычагов. Ведь в условиях ограниченного внешнего спроса нет смысла создавать крупные резервные мощности.

Хотя даже при «плоской» динамике добычи потребуются вводить в эксплуатацию новые месторождения взамен выбывших. Поэтому надо решать болезненный вопрос стимулирования геологоразведки.

Кроме того, объемы добычи во многом будут зависеть от темпов развития экономики страны. Речь идет о выходе прироста ВВП на уровень до 4% в год. Но сама энергетика все равно растет медленнее. К тому же у нас имеется профицит энергетических мощностей. Так, в электроэнергетике около 20–30 ГВт — лиш-

ние. Потенциал дополнительной добычи «Газпрома» — 200 млрд м³ (кстати, это равно совокупной добыче независимых компаний).

Объемы добычи определяются и эффективностью внутреннего потребления. Если она повысится, то спрос на энергию и рост самого сектора замедлится.

Но в любом случае энергетический сектор будет играть две важнейшие роли в отечественной экономике. С одной стороны, он является крупнейшим потребителем инноваций: технологий, оборудования и т.д. С другой стороны, он остается главным донором бюджета.

ИНТЕРЕС К ЭЛЕКТРОМОБИЛЯМ РАСТЕТ НЕ ТОЛЬКО В ЕВРОПЕ, НО И В КИТАЕ. ОДНАКО АДЕПТЫ «ЧИСТОГО» АВТОТРАНСПОРТА ЗАБЫВАЮТ, ЧТО ДЛЯ НЕГО НАДО КАКИМ-ТО ОБРАЗОМ ВЫРАБАТЫВАТЬ ЭЛЕКТРОЭНЕРГИЮ

В результате экономический рост в России в следующую четверть века будет иметь несколько своеобразный характер. Тот сектор, который одновременно является и технологическим, и финансовым «сердцем» национального хозяйства, будет постепенно снижать свою долю в ВВП страны (и, видимо, в капиталовложениях) в силу медленного роста глобального и внутреннего энергопотребления.

Если же когда-нибудь будет принята новая программа повышения энергоэффективности и энергосбережения, то тогда ТЭК будет потреблять еще больше новых технологий, но при этом спрос и выпуск будут расти еще медленнее. Остается надеяться, что остальные отрасли при этом будут активно развиваться. Но даже в этом случае энергетика все равно надолго останется ядром российской экономики. □